

© 1991 г.

РУЛЕН М.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

«Язык... есть наиболее богатый
и надежный архив человечества».

Альфредо Тромбетти

Вопрос о происхождении языка — всякое обсуждение которого было запрещено Парижским лингвистическим обществом в 1866 г. — всегда был одной из немногих лингвистических проблем, интересующих широкую публику. Такое широкое, но некритичное внимание, в сочетании с большим числом любительских работ, не имеющих научной ценности, а также общим нежеланием ученых касаться данной проблемы объясняют, возможно, то, что она остается во многом еще не исследованной, а различные ее компоненты — часто даже нечетко выделенными. В настоящей статье я рассмотрю лишь один аспект этой проблемы, а именно: имеют ли все сохранившиеся по сей день языки общее происхождение.

Разительные сходства между биологией и лингвистикой, особенно в том, что касается их эволюционного аспекта, являющиеся общепризнанными по крайней мере с середины XIX столетия. В 1871 г. Ч. Дарвин в одной из немногих своих ссылок на язык указал, что «образование различных языков и отдельных видов животных, а также доказательства того, что и те и другие развились в результате постепенного процесса, удивительно параллельны» [1]. Если бы не эти «удивительные» сходства, сомнительно, чтобы биологи и лингвисты задумались когда-либо о совместной конференции: историки и математики, например, редко встречаются вместе. В фокусе этой статьи, однако, лежит та область, где биологические и лингвистические перспективы скорее перекрещиваются, чем взаимно дополняют друг друга. Для биологов моногенетическое происхождение *Homo sapiens sapiens* является общепринятым, и мысль о том, что у индоевропейских народов нет известных биологических родственников, показалась бы им несостоятельной. Между тем для большинства лингвистов единое происхождение всех человеческих языков представляется в значительной степени сомнительным, а убеждение в том, что индоевропейские языки не имеют известных лингвистических родственников, является для них не только удобной позицией, но и практически символом научной добропорядочности. Если не в теории, то на практике лингвистический подход все еще остается додарвинским в том отношении, что десятки или даже сотни лингвистических таксонов рассматриваются так, как будто они являются результатом исторически независимого развития. Лингвисты не доходят до того, чтобы отрицать возможность, в конечном счете, связи всех этих таксонов, однако они склонны отрицать, что имеются какие-либо языковые свидетельства в пользу подобной гипотезы.

Проблема моногенетического происхождения *Homo sapiens sapiens* не

должна непременно сводиться к проблеме моногенеза человеческого языка. Это два отдельных вопроса, и рассматривать их также следует отдельно. Нас интересуют те параллельные выводы, к которым биологи и лингвисты пришли независимым друг от друга путем. Так, не может не казаться странным мнение о несвязанности между собой всех языковых семей, притом что биологическое различие между их носителями часто минимально. Никто, несомненно, не полагает, что любая из этих сотен языковых семей есть каждый раз результат самостоятельного возникновения языка. Но в таком случае может ли являться вероятным или возможным, что эти языки отделились друг от друга настолько давно, что не сохранилось никаких свидетельств их древней взаимосвязи? Не кажется ли странным также и то, что сравнительный метод, который был открыт более двух веков назад, главным образом, на материале языков и.-е. семьи, никогда не был в состоянии связать эту семью с какой-либо другой — по крайней мере, к удовлетворению лингвистического сообщества? Загадочность этого обстоятельства усугубляется тем, что и.-е. семья ни в коей мере не является архаичной или трудной для исследования. Я думаю, что общее неприятие попыток связать и.-е. семью с другими языковыми семьями прочно блокировало и обсуждение вопроса о моногенезе, выступая в качестве плотины на пути любых дальнородственных сравнений. Если и.-е. семья, наиболее изученная и наиболее хорошо понятая из всех языковых семей, не может быть убедительным образом связана с какой-либо другой семьей, то можем ли мы испытывать какое-либо доверие к связям, предполагаемым между менее изученными языковыми семьями, хронологический возраст которых намного превышает возраст и.-е. семьи? Так что если по-прежнему придерживаться концепции «безупречной чистоты» и.-е. семьи, то вопросу о моногенезе языков все еще суждено оставаться в числе спорных.

Тогда как парижский запрет на изучение проблемы происхождения языка выразил разочарование работой в этой области в Европе, в Соединенных Штатах историк языка Уильям Дуайт Уитни был не менее пессимистичен: «Лингвистическая наука как сейчас, так скорее всего и в будущем не в состоянии сформулировать авторитетного мнения, объясняющего единство либо разнообразие человеческого рода» [2]. Хотя подобное убеждение и по сей день разделяется большинством лингвистов, я считаю, что оно в значительной степени является мифом, некритично воспринятым поколениями ученых в течение более чем столетия. Имеется множество причин, объясняющих живучесть данного мифа, и наиболее важными среди них являются две: преимущественно синхронический уклон лингвистики XX в. и постоянно усиливающаяся специализация науки. Хотя историческое языкознание все же не умерло и, несомненно, всегда воспринималось как неотъемлемая часть общей лингвистики, не может быть никакого сомнения в том, что в течение большей части нынешнего столетия оно, в отличие от синхронических исследований, оставалось на заднем плане. Кроме того, увеличивающийся темп публикаций и специализации науки означал, что лишь немногие лингвисты стараются быть в курсе исследований, выходящих за рамки изучаемой ими языковой семьи или интересующего их языка. Ситуация, когда, к примеру, достижения бантуистики могут благополучно игнорироваться учеными-романистами¹, считается вполне нормальной.

В начале нашего века английский фонетист Г. Суит отметил вред,

¹ То, что это не так, я пытался показать в [3].

который наносит специализация дальнеродственным сравнениям, охарактеризовав его словами, которые, к сожалению, еще более верны сегодня:

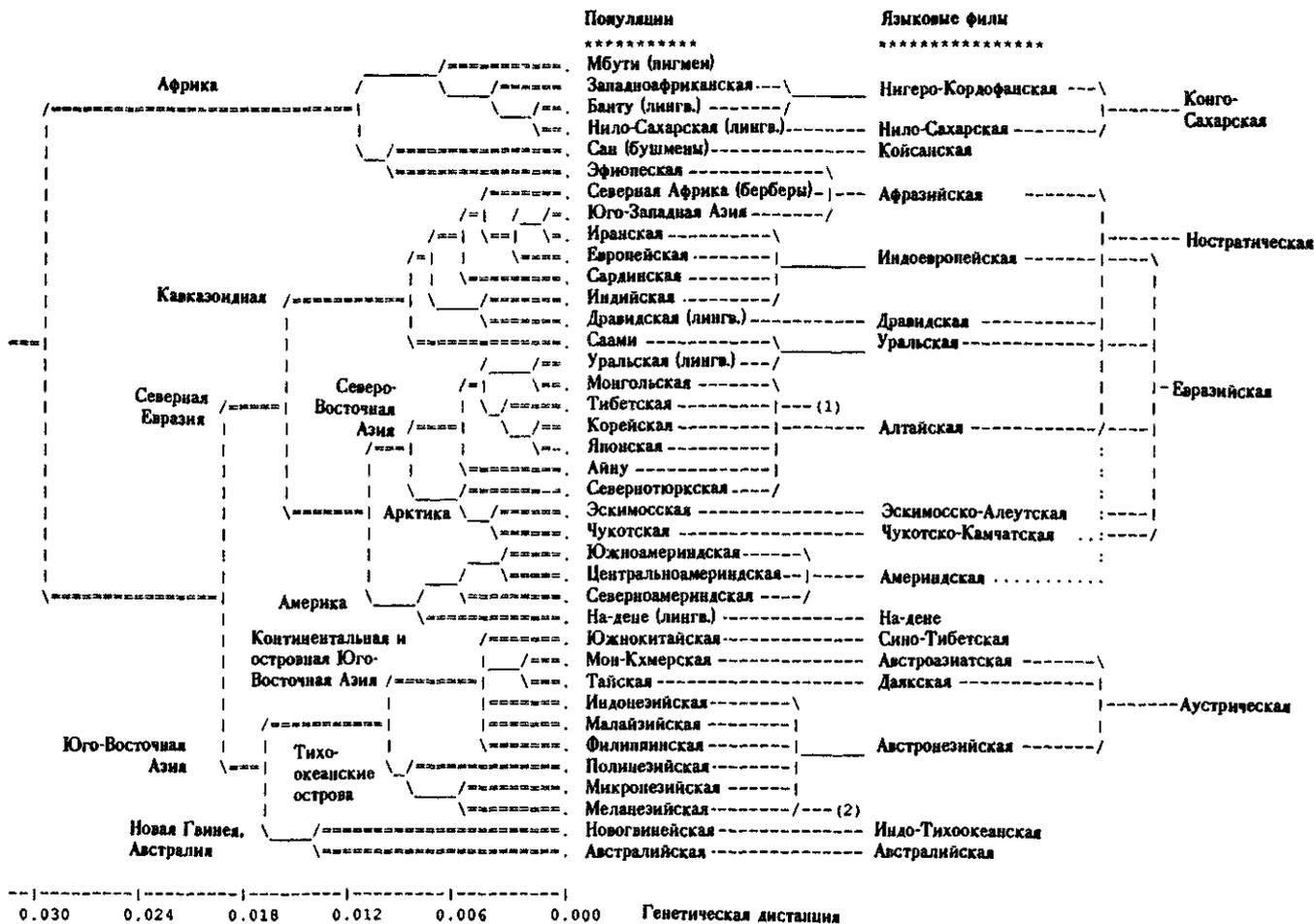
«В филологии, как и во всех областях знания, именно специалист наиболее энергично противится любой попытке расширить сферу действия своих методов. Поэтому стороннику родства между арийскими (=индоевропейскими) и финскими (=финно-угорскими) языками не следует тревожиться, когда он слышит, что большинство специалистов в области арийской филологии отвергает эту гипотезу. Во многих случаях это отрицание просто означает, что наш специалист уже по горло занят, и поэтому уклоняется от изучения новых для него языков. ...Даже когда такая пассивно-агностическая позиция перерастает в агрессивный антагонизм, это обычно является выражением не более чем простого предубеждения против низвержения арийского языка к позиции гордого одиночества и сближения его с языками желтой расы; либо отражает недостаток воображения и способности для понимания более раннего морфологического этапа арийского языка; либо, наконец, консерватизм и осторожность тех, кто скорее пройдет мимо блестящего открытия, чем подвергнет себя опасности ошибиться» [4].

Несмотря на такую, в целом неблагоприятную интеллектуальную атмосферу, а также ужас или осуждение коллег, всегда находились ученые, которые не принимали парижский эдикт и предостережение Уитни и стремились отыскать свидетельства в пользу построения более исчерпывающих классификаций языков мира. Мне бы хотелось вкратце охарактеризовать работы шести подобных ученых.

В течение первой четверти XX в. итальянец А. Тромбетти опубликовал ряд работ, в которых он стремился обосновать моногенез человеческого языка путем сравнения лексических и грамматических корней различных языков и языковых семей мира. Хотя трудно возражать против того, что некоторые из предложенных Тромбетти сравнений оказались неверными, многие другие его сопоставления позднее были подхвачены (или независимо открыты) и развиты другими учеными. Еще в 1905 г. Тромбетти представил внушительные доказательства *prima facie* в пользу моногенеза человеческого языка [5]. Сегодня, располагая несравненно лучшим лингвистическим материалом — как описательным, так и историческим, — мы можем значительно усилить доказательства Тромбетти.

В Новом Свете, примерно с 1910 до 1930 г., американский лингвист Э. Сэпир предложил ряд широкомасштабных сравнений в пользу объединения многочисленных языковых семей американских индейцев, выделенных на этапе каталогизации лингвистической таксономии в XIX в. Более полное обсуждение многих работ Сэпира в области америндской классификации читатель может найти в [6]. Сэпир также был первым, кто предположил генетическую близость семей на-дене и сино-тибетской, исследованные связи между которыми недавно было возобновлено и продолжено советскими учеными.

М. Сводеш, ученик Сэпира, разделял как интерес своего наставника к америндской лингвистике, так и увлечение Тромбетти глобальными исследованиями. Хотя его ранние работы, посвященные этимологическим сравнениям между предполагаемыми языковыми группировками, все еще оставались в духе Сэпира, впоследствии он выработал свой собственный метод лексикостатистики, приведший к неоднозначным результатам. На этом более позднем этапе он стал интересоваться установлением связей между языками всего мира, тогда как проблема иерархической классифи-

кации языков стала для него менее актуальной. Его преждевременная смерть в 1967 г. означала, что работа всей его жизни так и не была по-настоящему должным образом завершена.

В начале 1960-х годов два советских ученых, В. М. Иллич Свитыч и А. Б. Долгопольский, возродили раннюю гипотезу Х. Педерсена об объединении и.-е. семьи с некоторыми другими языковыми семьями Евразии и Северной Африки в ностратическую макросемью. Хотя вначале эти ученые работали независимо друг от друга, результаты их исследований совпали в столь значительной степени, что ностратическая теория стала единой и унифицированной областью лингвистики. Работы в данной области после трагической гибели Иллич-Свитыча (посмертные публикации см. [7—9]) были продолжены Долгопольским и другими учеными. Согласно классической ностратической теории, и. е. семья является одной из шести подгрупп, наряду с афразийской, картвельской, уральской, алтайской и дравидской. С тех пор было опубликовано около 400 этимологий, подтверждающих достоверность ностратической группировки. Недавно Долгопольский предложил включить сюда также эламский, нивхский и чукотско-камчатские языки.

Последний ученый, которого я в этой связи упомяну, Дж. Гринберг, внес, по всей видимости, наибольший вклад в лингвистическую таксономию. Начав со своей революционной классификации африканских языков в 1950-х годах, Гринберг исследовал те регионы мира, лингвистическая классификация которых была разработана в наименьшей степени. К 1963 г. он расклассифицировал все африканские языки на четыре фило (койсанскую, нигеро-кордофанскую, нило-сахарскую и афразийскую), и именно эта классификация стала основой для всех современных исследований [10]. В 1971 г. Гринберг предложил свидетельства в пользу индо-тихоокеанской фило, которая включает самые различные папуасские языки Новой Гвинеи и окружающих островов [11], а в 1987 г. он представил внушительные доказательства, служащие обоснованием америндской макросемьи, включающей все языки Нового Света за исключением семей на-дене и эскимосско-алеутской [12]. В настоящее время Гринберг работает над книгой о евразийской группировке языковых семей, отличающейся от ностратической исключением из нее афразийских, картвельских и дравидских языков и включением японского, айну, нивхского, чукотско-камчатских и эскимосско-алеутских языков.

Несмотря на работы перечисленных выше ученых, большая часть лингвистического сообщества, особенно в Соединенных Штатах, по-прежнему привержена убеждению в том, что и.-е. языки не имеют известных лингвистических родственников и, возможно, никогда их не имели, так как из-за временной глубины и.-е. праязыка все следы генетических связей в результате постоянной фонетической и семантической эрозии были утрачены. Эта убежденность настолько сильна, что лингвисты, располагающие свидетельствами в пользу обратного, скорее склонны предлагать для таких противоречащих их убеждениям фактов объяснения *ad hoc*,

Подпись к рисунку.

Сопоставление генетического древа и языковых фил. Помета (лингв.) обозначает популяцию, объединенные на основе лингвистической классификации. (1) Тибетцы связываются генетически с северо-восточно-азиатской группой, но лингвистически — с сино-тибетской семьей языков. (2) Меланезийцы частично говорят на индо-тихоокеанских языках. В настоящее время у нас не имеется генетических данных относительно картвельской или (северно)кавказской популяций (см. [24]).

чем подвергнуть какому-либо сомнению догматы сравнительно-исторического языкознания. Поучительным примером в этом отношении является австралийская макросемья. Человек непрерывно заселял Австралию в течение по крайней мере последних 40 000 лет, и у нас есть все основания полагать, что протоавстралийский датируется приблизительно тем же периодом, хотя нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что Австралия не всегда была отделена от Новой Гвинеи и нынешнее ее географическое положение установилось примерно 10 000 лет назад. Протоавстралийский должен быть старше праиндоевропейского по меньшей мере в два, а скорее всего — в семь или восемь раз. При такой временной глубине свидетельств примитивного единства, согласно стандартному взгляду на языковую эволюцию, уже не должно существовать, и тем не менее австралийская семья является общепризнанно реальным таксоном.

Для того чтобы уладить это явное противоречие, Р. М. У. Диксон отказывается от принципа языкового униформизма и высказывает предположение, что австралийские языки, в силу их изоляции, изменялись намного медленнее, чем остальные языки мира:

«На протоавстралийском говорили, вероятно, в довольно глубоком прошлом, возможно, несколько десятков тысяч лет назад. Именно это обстоятельство делает маловероятным то, что когда-либо будет возможно продемонстрировать генетическую связь между австралийской и какой-либо иной языковой семьей. Любой родственный язык, который протоавстралийский мог оставить, скажем, в Юго-Восточной Азии, по всей видимости, изменился настолько, что его невозможно распознать из-за лежащего между ними большого промежутка времени, а сохранившиеся черты близости будут недостаточными для выявления какой-либо связи. (Вполне вероятно и то, что родственные протоавстралийскому языки не оставили живых потомков.) Языки в целом изменяются с такой скоростью, что генетические связи между идиомами, период разделения которых более трех или четырех тысяч лет, стираются. Австралийские языки были почти изолированы от контактов с другими языками и культурами и вполне могли измениться в сравнительно меньшей степени; но любые родственные им языки, которые остались в регионах, более космополитичных в лингвистическом отношении, не могли быть защищены подобным же образом» [13, с. 237].

Такое романтическое представление об Австралии как о земле, забытой Временем, вероятнее всего неверно, и не следует упускать из виду, что оно основано скорее на предположениях, чем на доказательствах. Во всяком случае Диксон слишком категоричен, когда утверждает: «отсутствуют какие-либо свидетельства генетической связи между австралийскими языками и языками вне этого континента; нет никакой, даже отдаленной „возможности“, о которой ученые могли бы спорить. По-видимому, языки Австралии так долго находились в местах своей нынешней локализации, что всякие свидетельства их связей с другими языками со временем выветрились» [13, с. 238].

Хотя число корней, реконструированных для протоавстралийского, сравнительно невелико, некоторые из них можно было бы связать с корнями других языковых семей (подробнее см. [14]). Рассмотрим, к примеру, протоавстрал. **bungu* «колено», с семантическим расширением — о предметах, которые сгибаются (волна, излучина реки, бугорок на теле змеи), — в различных современных языках. Эта форма очень близка по звуковой и значению к индо-тихоокеанской этимологии для «колено»,

которая включает такие формы, как тобело *buku*, копану *roki* и тери кавалл *bugu*. Третья большая океанийская языковая семья сохраняет этот корень в протоавстронезийском **buku* «узел, сочленение, сустав». Следы этого корня обнаруживаются также в Евразии. К нему принадлежит, по-видимому, протокавказское **wVnk*^w «угол, изгиб», равно, как и айну (*he-*)*poki(-ki)* «склоняться вниз», протоалтайское **bük(ä)* «склоняться» (включающее такие формы, как уйгур. *bük* «согнуть колени», якут. *bük* «сгибаться», халха *bóx(on)* «горб верблюда», эвенк. *buku* «склоненный, изогнутый») и протоиндоевр. **bheug(h)* «склоняться». В Африке протобанту **bóngó* «колени» фактически идентично австралийскому корню как по форме, так и по значению. Можно ожидать, что аналогичные рефлексы этого корня могут быть обнаружены где-нибудь в нигеро-конгской языковой семье, однако из-за отсутствия нигеро-конгского этимологического словаря это пока трудно верифицировать. Тот же корень, наконец, хорошо представлен в америндской семье, где мы находим североамериканские формы типа чумаш (*si-*)*buk* «локоть» и валапай (*mi-*)*puk* «колени», ср. южноамериканские формы типа гуамака *buka* «колени, локоть» и иранше *roki* «поклон».

Рассмотренный выше пример ни в коей мере не является единственным свидетельством генетической связи между австралийской и другими языковыми семьями мира. Диксон реконструирует **bula* «два» для протоавстралийского, а Блейк [15] показывает, как это число было использовано в подгруппе пама-ньюнган для образования местоимений двойственного числа: **nyuN-palV* «вы-двое» и **pula* «они-двое». В двух вымерших тасманийских языках (не родственных, по Диксону, австралийским языкам) представлены схожие формы: юго-вост. *boula* «два» и южн. *rooalik* тж. В контексте своей австро-тайской гипотезы Пауль Бенедикт указал на схожесть числительного «два» во всех основных языковых семьях Юго-Восточной Азии [16]. Бенедикт реконструирует *²(*m*)*bar* «два» для протоавстроазиатского (ср. сантали *bar*, йех *bal*, кхму̣ *bār*, старомонг. ²*bar*) и *(*a*)*war* «два» для протояо-яо. Он считает также даякские формы типа мак *ta* «близнецы» родственными предыдущим, равно, как и австронезийские формы, представленные, в частности, яван. *kẽmbar* «близнецы». Что касается Африки, то одними из свидетельств, предложенных Э. Грегерсеном в поддержку конго-сахарской семьи (он предлагает объединить нигеро-кордофанскую и нило-сахарскую ветви в одну семью), были формы для числительного «два», которые почти не отличаются от тех, которые мы до сих пор рассматривали [17]. В нигеро-конгских языках мы имеем темне (*ka*)*bari* «близнецы», нимбаря *bala* «два», мано *pere* тж. и протобанту **bādí* тж.; в нило-сахарских языках есть формы типа нубийского *bar(-si)* «близнецы», мерарит *warē* «два» и кунама *barā* «пара». Что до евразийских языков, то одна из ностратических этимологий Иллич-Свитыча кажется родственной обсуждаемым формам, но в этих языках произошел сдвиг значения от «два» к «половина, сторона, часть». Конкретно Иллич-Свитыч сближает протоиндоевр. **pol* «половина, сторона» [ср. алб. *pale* «сторона, часть, пара», русск. *пол* «половина», скр. (*ka-*)*palam* «половина»] с протоурал. **pälä*/**pole* «половина» (ср. ненец. *peelee* «половина», венг. *fele* «половина, одна из двух сторон», манси *päl* «сторона, половина», удм. *pal* «сторона, половина») и протодравид. **pāl* «часть, порция» (ср. тамил. *pāl* «часть, порция, доля», телугу *pālu* «доля, порция», парджи *pēla* «порция»). Наконец, родственные формы обнаруживаются в америндских языках Северной и Южной Америки [ср. винтун *palo(-l)* «два», ваппо

p'ala «близнецы», хуаве *apool* «расколоть надвое», колорадо *palu* «два», сабана *pa'lin* тж.].

В заключение мне хотелось бы рассмотреть некоторые свидетельства в пользу гипотезы о связи австралийской ветви языков с другими языками мира. Одним из них является вопросительное местоимение, наиболее обычная форма которого — *mi(n)* или *ma(n)* в значении «что?, кто?» (либо с некоторыми другими вопросительными значениями). Этот корень, который обсуждался в работах Тромбетти, Иллич-Свитыча и Гринберга, выступает в качестве одного из наиболее широко распространенных словообразующих элементов в человеческом языке. Для протоавстралийского Диксон реконструирует **min* *NH* ² «что», с современными рефлексами в виде дйирбал *minya* «что» и питта-питта *minha* тж. Эти формы разительно схожи с теми, которые имеются в одной из индо-тихоокеанских этимологий Гринберга, включающей такие формы, как матап *mina* «что», арапеш *mane* тж., ньяура *tanda* «что, вещь», кати *man* «что-то», биада *min* «вещь», лаумбе *mina* тж.

В Евразии встречается ряд форм, по всей видимости, родственных только что упомянутым. В австроазиатской ветви можно указать на курку *amae* «кто», мон *mi* «что», центр.-сакаи *mā, mō* тж. Два изолированных языка Индийского субконтинента, бурушаски и нахали, демонстрируют рефлексы указанного вопросительного местоимения. В бурушаски имеется *ten* «кто» и *amin* «который», в нахали *mingay* «где» и *miyan* «сколько». На Кавказе **ma* реконструируется в качестве вопросительной частицы в протосеверокавказском, а некоторые языки демонстрируют также местоименное использование М-интеррогатива, например, чеч. *mila* «кто» и бацб. *me* тж. Для южнокавказского, или картвельского (который, вероятно, не является ближайше родственным северокавказским языкам), Г. Климов реконструировал **ma* «что» и **mi-n* «кто» [18]. (В настоящее время автор реконструирует **vin*.) М-интеррогатив хорошо представлен по всей Северной Евразии, его широкая распространенность здесь отмечена как в ностратических этимологиях Иллич-Свитыча, так и в евразийских этимологиях Гринберга. Примеры включают праиндоевроп. **mo-*, основу вопросительных наречий, прототурал. **mi* «что» [ср. манси *mān* «который, что», тавги *ma* «что», венг. *mi* «что, который», фин. *mi/mi(-kä)* «что, который»]; прототюрк. **mi* «что» (ср. чуваш. *mēn* «что» и тур. *mī*, сентенциональную энклитику); монг. *-ū* (<**mi*), сентенциональный интеррогатив и монгол. *amu/ama* «что»; тунг. *-ma*, показатель индифинитности; корейск. *miōt* «что» и старокорейск. *mai* «почему»; рюкюское (язык, близкородственный японскому) *mī* «что»; айну *tak/makanak* тж., *takan* «какой»; чукот. *mikin*, камчадал. *min* «который, какой».

В Новом Свете М-интеррогатива, насколько мне известно, не обнаруживается ни в эскимосско-алеутских языках, ни в на-дене, однако он широко распространен в америндских языках. Североамериканские примеры включают северносахаптинское *mēn/mna* «где», центральный сьерра мивок *minni* «кто», сан хосе *mani* «где», чоктав *tana* «когда» и чикаса *mano* «где». В Южной Америке мы имеем кабаба *mai* «кто», *mani* «где», паез *maneh* «когда», аллентиак *ten* «кто», катио *mai* «где», гуахахара *ton* «кто», маришу *manib* «в каком направлении», кофан *mai* «где», кренхе *tenō* «кто» и ботокудо *mina* «кто».

В Африке М-интеррогатив широко засвидетельствован в афразийских

² *NH* представляет соответствие между ламино-межазубным *nh* и ламино-палатальным *ny*, которое обнаруживается в современных языках.

и обнаруживается, по-видимому, также в койсанских языках. Койсанских примеров сравнительно немного (ср. кхое *mā* «кто», *mā'* «который», варон *kama* «если, когда», нама *taba* «где»), но в афразийских он засвидетельствован в каждой ветви этой семьи. Примеры включают аккад. *mīn* «что», *man* «кто», амхар. *mən* «что», араб. *man/min* «кто», туарег. *ma* «что», *mi* «кто», сахо *mā* «что», *mi* «кто», сомали *māhā* «что», оромо *māni* тж., каффа *amone* тж., хауса *mè/mì* тж., бата *mən* тж. и логоне *mini* «кто».

Во всех приведенных выше формах мы утверждаем родство по начальной, М-части корня. Конечный же элемент -N-, однако, имеет различные источники, одним из которых является показатель локатива. Интеррогатив на К можно увидеть в некоторых из вышеприведенных форм, и он является главным конкурентом М-интеррогатива в языках мира, иногда соединяясь с ним, иногда вытесняя его, а иногда им замещаясь. Сложная картина взаимодействия этих двух интеррогативов (так же, как и третьего, j) обсуждалась Тромбетти, Иллич-Свитычем и Гринбергом, и все они обратили внимание на, как правило, личный характер интеррогатива на К (кто?) в противоположность обычно неличному характеру М-интеррогатива (что?). Наконец, заслуживает внимания тот факт, что несмотря на огромное географическое распространение этого корня — от Африки до обеих Америк — он, по-видимому, не встречается в нигеро-кордофанских или нило-сахарских языках, к чему я вернусь ниже.

Существование широкораспространенных корней, многие из которых были известны по крайней мере со времен Тромбетти, не внесло, однако, ощутимого вклада в развитие сравнительно-исторической лингвистики, которая, с точки зрения теоретической перспективы, осталась привержена европоцентризму (это обнаруживается при изучении любого из специальных пособий). Подавляющее большинство лингвистов считает, что и.-е. языки не имеют родственных связей с какой-либо иной языковой семьей. В обеих Америках в течение нынешнего столетия наблюдалось скорее отступление области лингвистической таксономии, так как уснаивалось наличие все новых языковых семей, число которых достигло 200 к тому времени, когда Гринберг предоставил неоспоримые доказательства в пользу того, что на самом деле их всего три (см. [12]). Что касается Азии, то многие алтаисты сейчас отвергают любую связь между тремя алтайскими ветвями; иногда отрицается либо подвергается сомнению даже близость к уральским языкам юкагирского. Причин подобного отрицания более глобальных классификаций много, и недавно они подробно обсуждались (см. [12, 6, 14]). Не пытаясь суммировать это обсуждение в общих словах (что потребовало бы много места), я просто процитирую некоторые конкретные критические замечания, которые, ни в коей мере не будучи удовлетворительными или достаточными, служат поддержке оппозиции дальнеродственным сравнениям.

Традиционно наиболее обычная критика дальнеродственных сравнений заключается в том, что предполагаемые родственные слова семантически и/или фонологически слишком различаются, чтобы быть исторически связанными. Но подобный упрек вряд ли можно отнести к рассмотренным выше этимологиям, которые, действительно, критикуются с другой стороны: они слишком близки по звучанию и значению, чтобы свидетельствовать о древности наблюдающейся между ними связи. Предполагаемо родственные слова, цитированные в этимологических сопоставлениях, настолько схожи формально и семантически, что их генетическая близость не вызвала бы сомнений, если бы они просто представляли,

скажем, южноамериканские индейские языки. Однако ввиду того, что они принадлежат предположительно несвязанным языковым семьям мира, фактической сути таких этимологий придается меньше значения, чем представлениям о том, какие генетические связи возможны, а какие нет. То, что считалось бы очевидной этимологией на низком уровне классификации, становится случайным «шумом» на более высоких ее уровнях — без какого-либо изменения содержания самой этимологии. Тромбетти критиковал эту методологическую непоследовательность следующим образом: «Ясно, что само по себе сравнение финно-угорского *те* „я“, *те* „ты“ с индоевропейскими *те-* и *те-* (с тем же значением) релевантно настолько же, насколько таковым может быть любое сравнение между соответствующими местоименными формами в индоевропейских языках. Единственное различие состоит в том, что общее происхождение индоевропейских языков принимается, тогда как связь между индоевропейскими и финно-угорскими языками отрицается» [5, с. 44].

Никто не станет отрицать, что группы, располагаемые на низких уровнях классификации (например, романская), часто содержат очень схожие или даже идентичные родственные слова. Дискуссии же вызывают два вопроса: (1) могут ли предположительно независимые, более высокоуровневые группировки вроде индоевропейской, австралийской либо америндской содержать слова, схожие по форме и значению? и (2) могут ли в современных языках сохраняться рефлексy, схожие или идентичные реконструированным формам данного праязыка (например, праиндоевропейского, прапалеоазиатского или праавстралийского)? Ответы на оба этих вопроса зависят от темпа и природы языкового изменения. Как свидетельствуют приведенные выше комментарии Диксона, большинство лингвистов полагает, что скорость языкового изменения такова, что всякие следы генетических связей через несколько тысячелетий стираются; следовательно, ответ на оба этих вопроса будет отрицательным. Тем не менее, если все же предположить, что все языковые семьи происходят из общего источника, то вряд ли будет удивительным факт схожести между собой наиболее древних доступных реконструкции форм в каждой из этих семей. Что касается второго вопроса, то хотелось бы только сказать, что во всех известных мне этимологических словарях некоторые из реконструированных для данного праязыка форм были схожи или идентичны рефлексам в его языках-потомках. Покорный [19] реконструирует праиндоевроп. **nerōt* «племянник, внук», форму, которая должна была существовать по крайней мере 5000 лет назад. И тем не менее эта же самая форма, с тем же значением, в неизменном виде сохраняется до настоящего времени в рум. *nerot* «племянник, внук». По крайней мере, в этом случае не видно действия упомянутой Диксоном неумолимой эрозии. Такой же феномен отмечен и в языковых семьях, даже намного более древних, чем индоевропейская. К примеру, первая реконструкция, представленная в данной статье — протоавстрал. **bungu* «колени», — имеет такой же рефлекс *bungu* «колени» во многих современных языках (например, в гуугу йимидхир, йидини, дйирбал). В таком случае, если в современных языках допустимо видеть рефлексy, идентичные реконструированным формам для протоавстралийского, датирующегося, по всей видимости, периодом 40 000 лет до н. э. или более, то на каком основании можно возражать против сходного феномена в отношении между протосапиентным языком и современными языками. имея в виду, что протосапиентный язык мог быть лишь на 20 000—30 000 лет древнее протоавстралийского?

Кроме того, неверным может являться и предположение, что языковое

изменение со времени появления *Homo sapiens sapiens* было постоянным и неизменным. Хорошо известно, что динамика культурной эволюции в целом характеризовалась, по-видимому, все более ускоряющимися темпами, что может быть справедливым также в отношении темпов языковой эволюции. С другой стороны, и биологическая эволюция уже не представляется неизбежно в виде очень долгого и медленного процесса постепенного и постоянного изменения; такие ученые, как Нильс Эддредж и Стивен Джей Гоулд, напротив, высказывают мнение о неравномерном характере эволюции, в процессе которой и через очень продолжительный период времени могут происходить лишь незначительные изменения. Учитывая то, что нам неизвестна динамика языковой эволюции за последние 100 000 лет, представляется преждевременным априори отвергать какие-либо гипотезы относительно возможных темпов языкового изменения.

Некоторые лингвисты просто не знают, что в других языковых семьях есть корни, схожие с корнями интересующей их семьи, и я подозреваю, что это относится и к Диксону. Другие лингвисты, однако, осведомлены о существовании таких корней, но предпочитают их игнорировать. Одним из наиболее убедительных свидетельств, которые Дж. Гринберг [12] привел в поддержку америндской макросемьи, является наличие показателя 1 л. *n* и 2 л. *m* во всех ее одиннадцати ветвях. В настоящее время известно, что с семантической точки зрения местоимения 1 и 2 л. относятся к числу наиболее устойчивых во времени значений. А. Долгопольский [20] обнаружил, что более стабильным является местоимение 1 л., тогда как местоимение 2 л. в данном отношении занимает третье место (вслед за числительным «два»). Кроме того, хорошо известно, что с точки зрения фонологии начальные назальные консонанты являются одними из наиболее устойчивых звуков. Сочетание стабильных звуков со стабильными значениями означает, что даже спустя 14 000 лет эти местоимения сохранились в каждой ветви америндской макросемьи. Гринберг не претендовал на первенство в обнаружении широкого распространения этих двух местоимений в Северной и Южной Америке. Выявил этот факт в статье, содержащей дополнительные свидетельства в пользу америндской семьи, Сводеш [21], а годом позже Гринберг, не зная о статье последнего, сделал сходное наблюдение. Позднее Гринберг писал: «То, что два ученых независимо друг от друга сделали одно и то же важное наблюдение, является интересным косвенным подтверждением в пользу америндской группировки в том виде, в каком я ее определил» [12, с. 54]. И на Сэпира произвела впечатление широкая дистрибуция местоимения *n* «я» и *m* «ты» в языках индейцев Северной и Южной Америки, в связи с чем в одном частном письме 1918 г. он восклицал: «В самом деле, каким же еще образом можно объяснить общеамериканское *n*- „я“ иначе, как генетически?». Однако все эти исследователи проглядели второе приложение к книге Тромбетти «Единство происхождения языка» [5], озаглавленное «Местоимения „я“ и „ты“ в основных американских языках», где содержались многочисленные примеры существования обоих местоимений как в Северной, так и в Южной Америке. Важность этого факта не ускользнула от Тромбетти, который отмечал: «Как можно видеть, местоимения *NI* „я“ и *M* „ты“ простираются по всей территории от наиболее северных регионов Америки до южной оконечности Нового Света, к Огненной Земле. В связи с недостаточностью имеющихся в нашем распоряжении материалов данный список является далеко не полным, но его, несомненно, достаточно для того, чтобы дать представление о широкой дистрибуции этих наиболее древних и основных элементов» [5, с. 208].

Л. Кэмпбелл, исследователь в области америндских языков и один из главных критиков Гринберга, смотрит на эти вещи иначе: «Широко распространенный показатель первого лица и несколько менее распространенный показатель второго лица ... были выявлены с самого начала, не оказав существенного влияния на классификацию» [22, с. 488]. К сожалению, здесь Кэмпбелл прав, хотя вряд ли следует считать заслугой то, что столь важною свидетельству не было придано никакого значения.

Гринберг суммирует фундаментальную и очевидную важность двух указанных америндских местоимений следующим образом:

«Делом науки является заметить неслучайные явления и объяснить их. Если бы мы нанесли на карту мира встречаемость конкретных маркеров первого и второго лица, то не могли бы не заметить, с одной стороны, сочетания показателя первого лица *m* и второго лица *t* (наряду с *s*) в Европе, Северной Азии и северной части Северной Америки до Гренландии, и с другой — сочетание показателя первого лица *n* с показателем второго лица *m*, охватывающее оставшуюся часть обеих Америк, за исключением ареалов распространения языков на-дене и эскимосско-алеутских. По моему мнению, одного этого наблюдения было бы достаточно, чтобы привести любого исторически мыслящего антрополога к мысли о том, что следует допускать наличие по крайней мере одной большой ветви языков, имеющей первый из указанных наборов местоимений, и другой, имеющей второй их набор» [12, с. 55].

Выше я уже отмечал, что широко распространенные в настоящее время высказывания, согласно которым и.-е. языки не имеют известных родственных языков и что моногенез языка не может быть продемонстрирован на основании лингвистических данных, являются некорректными. Эти утверждения основываются скорее на экстралингвистических критериях и на априорных предположениях, чем на серьезном изучении мировой лингвистической литературы. Как мне представляется, все большее, хотя пока еще и не столь значительное, число лингвистов начинает осознавать, что все языки мира действительно имеют общее происхождение, и свою работу они начинают строить именно на этой основе. В заключительной части данной статьи мне бы хотелось обсудить некоторые импликации моногенеза применительно к лингвистической таксономии.

Во-первых, поиски языкового «родства» к настоящему времени прекращены, ибо теперь уже не представляет никакого смысла спрашивать, являются ли два языка (или две языковые семьи) родственными. Все языки родственны, и вопросом, нуждающимся в выяснении, выступает не факт родства, а его степень. Все таксономические вопросы сводятся к одному: выявлению подгрупп человеческой семьи на основании лингвистических данных. Такие факты могут быть как лексическими (например, корни, аффиксы), так и типологическими (например, наличие назализованных гласных, порядка слов SOV, различие инклюзива/эксклюзива для местоимения «мы»). Использование лексических свидетельств в поддержку выделения той или иной подгруппы не нуждается в каком-либо обосновании, поскольку подобная процедура уже долгое время составляет существенную основу сравнительного метода. Именно тотальное распространение какого-либо корня, а не простое его наличие в той или иной семье языков определяет его таксономическую значимость. При этом дополнительным основанием для выделения тех или иных групп могут служить специфические черты развития в некоторых подгруппах (например, закон Гримма внутри и.-е. семьи).

Использование типологических критериев в генетической классифи-

кации более неоднозначно, поскольку считается общепринятым, что типологические черты не указывают на генетические связи. Как хорошо известно, использование типологических критериев в африканской лингвистике привело к классификациям, которые определенно не были филогенетическими. Тем не менее ошибка ранних таксономистов африканских языков заключается скорее в их опоре на слишком малое число типологических черт (иногда только на одну), чем в использовании самих этих черт. Так, привлечение в качестве основы для классификации лишь показателя рода, назализованных гласных или же определенного порядка слов приведет, с точки зрения строго исторической перспективы, к абсурдным результатам. И все же подобные черты языковой структуры передаются генетически в не меньшей степени, чем лексика, и таким образом обладают некоторой, хотя и не абсолютной, доказательной ценностью. Вряд ли можно считать случайным капризом природы то, что приблизительно 700 папуасских языков обладают единым порядком слов SOV (с незначительными исключениями, обусловленными австронезийским влиянием). Хотя и.-е. система грамматического рода и не родственна аналогичным системам в других языковых семьях, это не служит доказательством того, что категория рода в истории и.-е. семьи языков (как и в других языковых семьях, где она развилась самостоятельно) не являлась генетически передаваемой чертой. В предварительном таксономическом анализе языковых фил мира [23], используя типологические черты как в области консонантизма (наличие или отсутствие *p, t, s* и т. д.), так и в области гласных (наличие или отсутствие *i, e, a* и т. д.), местоимений (наличие или отсутствие дуального инклюзивного местоимения 1 л.) и порядка слов (наличие или отсутствие порядка слов SOV в простом повествовательном предложении), мы обнаружили, что нередко те языковые филы, которые первоначально были увязаны между собой на основании наличия родственных слов, столь же успешно были объединены и путем сопоставления типологических черт (например, уральская и алтайская, чукотско-камчатская и эскимосско-алеутская, на-дене и кавказская, нигеро-кордофанская и нило-сахарская, индоевропейская и афразийская). Эти предварительные данные указывают на то, что в типологии содержится более значительный генетический компонент, чем предполагалось ранее.

Вторым следствием моногенеза является то, что становится возможным, по крайней мере, теоретически, сравнить филогенетическое древо человеческого рода, основанное на лингвистических данных, с аналогичным построением на основе биологических данных. Многие лингвисты по-прежнему считают, что имеется мало соответствий между фактами лингвистики и биологии. Согласно Кэмпбелл, «повторение очевидного кажется необходимым: нет никакой детерминистской связи между языком и генофондом или же культурой» [22, с. 488]. Тем не менее недавняя работа Л. Л. Ковалли-Сфорца и др. показывает, что параллели между биологической и лингвистической классификациями являются чрезвычайно близкими: «Языковые семьи соответствуют группам популяций лишь с очень незначительными и легко объяснимыми несовпадениями, и происхождение их можно придать временные параметры. Макросемьи языков обнаруживают удивительное соответствие двум основным группам популяций, указывая на значительный параллелизм между биологической и языковой эволюциями» [24, с. 6002]. Как можно видеть на рисунке, многие языковые таксоны почти точно соответствуют биологическим таксонам не только на низших уровнях классификации (например, восточно-австронезийская, алтайская семьи), но и на более высоких ее уровнях

(например, конго-сахарская, австрийская, ностратическая/евразийская, америндская). В этом случае нельзя не задаться вопросом, не является ли основополагающая биологическая дихотомия между Субсахарской Африкой и остальным миром параллельной коренной лингвистической дихотомии между конго-сахарской макросемьей (в пользу которой Греггерсен в [17] предложил лексические и грамматические свидетельства) и не-конго-сахарскими языками. Как показано в [14], некоторые из корней, предложенных Греггерсеном для конго-сахарского праязыка, на самом деле распространены более широко, встречаясь и в других частях света, и поэтому не могут быть инновациями внутри конго-сахарской семьи. Этимологии Греггерсена включают как корни, ограниченные конго-сахарскими языками, так и разделяемые, наряду с конго-сахарской семьей, другими языковыми семьями. Рассмотренная выше этимология интеррогатива *miNHa* «что» интересна в том отношении, что данное местоимение встречается, по-видимому, везде, кроме конго-сахарской семьи, и потому могло бы рассматриваться в качестве инновации в пределах не-конго-сахарской группировки, если последняя окажется реальным лингвистическим таксоном.

Последним следствием признания моногенеза является то, что он неизбежно приведет к переоценке довольно значительного числа объяснений различных явлений, опирающихся лишь на внутриязыковой материал данной языковой семьи. Одним из таких примеров является трактовка Диксоном происхождения австралийского интеррогатива *miNHa* «что»: «Языки Северного Квинсленда, в которых нет формы *miNHa* в качестве неопределенно-вопросительного местоимения, обычно имеют лексику *miNHa* „мясо (съедобное) животное“. Вполне вероятно, что здесь произошел семантический сдвиг с переходом родового термина *miNHa* „животное“ в термин с неопределенной семантикой „что-то“: подобно другим неопределенным местоимениям в большинстве австралийских языков, оно обладало также вопросительным значением „что?“; *miNHa* в неопределенно-вопросительном значении сейчас обнаруживается на обширной территории вокруг Нового Южного Уэльса (и в отдельных языках вне этого региона), что указывает на модель ареальной диффузии» [13, с. 376].

Таким образом, Диксон выводит интеррогатив *miNHa* «что» из фонологически идентичного корня, означающего «мясо» через промежуточную семантическую ступень «что-то». Даже если бы не имелось многочисленных свидетельств того, что австралийский интеррогатив *miNHa* родственен схожим формам во многих других филах, в чем мы могли убедиться выше, я думаю, что объяснение Диксона, основанное на внутриязыковом материале этой семьи языков, все же должно быть отвергнуто. Семантический сдвиг «мясо» > «что-то» является по меньшей мере необычным и, вполне вероятно, не засвидетельствован в языках мира. Более того, нормальной является как раз семантическая эволюция от вопросительного местоимения к неопределенному, а не наоборот. В целом внутриязыковое объяснение Диксона очень неправдоподобно, тогда как внешнее объяснение является простым и логичным. Гранберг [25] на многочисленных примерах демонстрирует ценность широкой перспективы для понимания ряда явлений внутри индоевропейской семьи. Подобный подход также явился одним из наиболее значительных вкладов ностратического языкознания.

В настоящее время мы только начинаем понимать структуру человеческой популяции, основанную на факторах биологического и лингвисти-

ческого порядка. На самых высоких уровнях классификации биологическая таксономия в настоящее время находится, по-видимому, на более продвинутой ступени, но ясно, что как биология, так и лингвистика играют каждая свою особую и важную роль в раскрытии филогенеза человеческого рода. Возможно, когда и биологическая, и лингвистическая таксономия будут разработаны более основательно и детально, многие сходства между этими двумя областями перестанут казаться «любопытными», а будут считаться вполне естественными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Darwin Ch.* The descent of man. L., 1871. P. 465.
2. *Whitney W. D.* Language and the study of language. N. Y., 1867. P. 383.
3. *Ruhlen M.* On the origin and evolution of French nasal vowels // *Romance Philology*. 1979. V. 32.
4. *Sweet H.* The history of language. L., 1904. P. vi.
5. *Trombetti A.* L'unità d'origine del linguaggio. Bologna, 1905.
6. *Ruhlen M.* A guide to the world's languages. V. 1: Classification. Stanford, 1987.
7. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — k). М., 1974.
8. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (l — z). М., 1976.
9. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (p — q). М., 1976.
10. *Greenberg J. H.* The languages of Africa. Bloomington, 1963.
11. *Greenberg J. H.* The Indo-Pacific hypothesis // *Current trends in linguistics*. V. 8 / Ed. by Sebeok Thomas A. The Hague, 1971.
12. *Greenberg J. H.* Language in the Americas. Stanford, 1987.
13. *Dixon R. M. W.* The languages of Australia. Cambridge, 1980.
14. *Bengtson J. D., Ruhlen M.* Global etymologies // *Genetic classification of languages* / Ed. by Shevoroshkin V. Austin.
15. *Blake B.* Redefining Pama-Nyungan: towards the prehistory of Australian languages. 1987.
16. *Benedict P.* Austro-Thai: Language and culture. New Haven, 1975.
17. *Gregersen E.* Kongo-Saharan // *Journal of African languages*. 1972. № 11.
18. *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
19. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
20. *Долгопольский А. Б.* Гипотеза древнейшего родства языковых семей северной Евразии с вероятностной точки зрения // ВЯ. 1964. № 2.
21. *Swadesh M.* Perspectives and problems of Amerindian comparative linguistics // *Word*. 1954. 10.
22. *Campbell L.* Comment on an article by Joseph H. Greenberg, Christy G. Turner, and Stephen L. Zegura // *Current anthropology*. 1986. V. 27.
23. *Darlu P. M., Ruhlen M., Cavalli-Sforza L. L.* A taxonomic analysis of linguistic families // *Language change and linguistic evolution* / Ed. by Wang W. S.-Y. L.
24. *Cavalli-Sforza L. L., Piazza A., Menozzi P., Mountain J.* Reconstruction of human evolution; bringing together genetic, archaeological and linguistic data // *Proc. of the National Academy of sciences*, 1988. № 85.
25. *Гринберг Дж. Х.* Предыстория индоевропейской системы гласных в сравнительной и типологической перспективе // ВЯ. 1989. № 4.

Перевел с английского *Чирижба В. А.*